

**ЮЛИЯ
ГОНЧАРОВА**

АУКА

18+

Юлия Гончарова

ЛУКА

«Автор»

2026

Гончарова Ю. А.

АУКА / Ю. А. Гончарова — «Автор», 2026

В поисках мистических переживаний группа студентов отважилась на рискованное путешествие в Северную тайгу, в зловещий Лес Самоубийц. Они и представить не могли, что столкнутся с настоящим потусторонним ужасом. Древняя легенда ожила, а неожиданная находка запустила необратимый процесс. Стоило главной героине прикоснуться к артефакту, как она обрела некую силу. Но эта сила обернулась проклятием для всех остальных. Лес Самоубийц не прощает вторжений, и его зловещая слава оказалась не просто предостережением, а смертным приговором.

© Гончарова Ю. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

АУКА

Глава 1

*Все места, описанные в этой книге,
являются вымышленными. Любые
совпадения с реальными городами,
посёлками или локациями случайны.*

Прошёл год. Целый год, который должен был стереть, сгладить, унести прочь мучительные воспоминания. Я отчаянно этого хотела, выстраивая день за днём стену из будничной суеты, учёбы и пустых разговоров. Но память оказалась сильнее. Она просачивалась сквозь эту стену тонкими, ядовитыми струйками, а по ночам обрушивалась ледяным водопадом, возвращая меня в тот пережитый кошмар.

Именно во сне он приходил чаще всего: пронзительный, беззаботный смех, звучавший как предсмертный хрип. Я слышала его так отчётливо, будто он раздавался прямо у моего уха.

На телефоне хранились десятки файлов с той поездки — цифровые напоминания о пережитом. Большинство из них были бесполезны: неразборчивые крики в ночи, треск веток под ногами, гул ветра в кронах деревьев, бессмысленный шум паники, мелькающие в темноте перепуганные лица. Но одна запись была другой — короткий фрагмент, где её смех, бьющий по перепонкам, смешивался с рокотом воды. Это было на реке, у того небольшого порога, где вода срывалась с мшистых камней, разбиваясь на тысячи брызг.

Стоило мне услышать этот звук — смех и воду, — как тело реагировало раньше разума. Мускульная память, древний инстинкт, вбитый в каждую клетку, кричал об опасности. Сердце срывалось в галоп, в лёгких не хватало воздуха, и возникало лишь одно всепоглощающее желание: бежать. Бежать без оглядки, куда глаза глядят, прочь от этого звука, от этого леса, от самой себя. Бежать, пока не кончатся силы.

Всё началось с безумного предложения Коцмарика поехать в тот самый лес. Мы тогда сидели в кафе, отмечая конец сессии.

Коцмарик — это, конечно, прозвище. Оно получилось из слияния двух слов: «Кощей» и «кошмар». Наш Стасик был худым, длинным и, честно говоря, страшноватым. Из-за деформации грудной клетки у него смешно выпирали рёбра, а ещё он обожал рассказывать ужастики. Так к нему и прицепилась эта кличка.

Моя ближайшая подруга — Жуля. На самом деле её зовут Ульяна, но из-за фамилии Жугина к ней приклеилось это прозвище. И оно ей очень идёт!

Жуля — невероятно милая девочка, порой даже до приторности, честно говоря, до зубового скрежета. Зато её гордость за отца, выдающегося учёного, абсолютно искренна. Она может часами, с горящими глазами, рассказывать о его последних исследованиях в области астрофизики, сыпля терминами, которые я и выговорить-то не смогу. Я киваю, делаю умное лицо и думаю о том, что заказать на ужин. Но Жуля не замечает — она вся там, среди квазаров и тёмной материи, рядом со своим гениальным папой.

Внешне она похожа на эльфа, сбежавшего из волшебного леса в наш серый мегаполис: огромные, чуть раскосые зелёные глаза, россыпь веснушек на тонком носу и копна непослушных рыжих волос, которые она вечно пытается усмирить нелепыми заколками в виде божьих коровок или бабочек. Жуля носит цветастые платья даже в лютый мороз, натягивая их поверх тёплых водолазок, и утверждает, что так сохраняется летнее настроение.

Ещё у нее есть удивительная способность находить волшебство в самых обыденных вещах. Для неё лужа после дождя — это не грязь под ногами, а опрокинутое небо, в котором

плывут облака. Старый скрипучий трамвай — не развалюха, а «железный дракон, везущий нас в неизведанные края». Жуля собирает смешные камушки, похожие на сердечки, и верит, что они приносят удачу. Иногда мне кажется, что она живёт в какой-то своей, параллельной вселенной, где всё ярче, добрее и осмысленнее. В этом плане я ей даже завидую. Несмотря на то что Ульяна уже студентка, в душе она по-прежнему остаётся ребёнком.

Её вселенная порой просачивается в нашу. Однажды мы сидели в кафе, и она вдруг замолчала, глядя в окно на серое здание напротив.

— Смотри, — прошептала Жуля, — на том балконе сидит самый одинокий в мире голубь. Мне кажется, он ждёт свою голубку, которая улетела в тёплые края и обещала вернуться с первой весенней грозой». И я, циничная и приземлённая, вдруг тоже увидела не просто птицу, а целую историю о любви и верности. С Жулей всегда так: смотришь на мир её глазами= и сам становишься чуточку добрее.

Конечно, с ней бывает непросто. Её непосредственность иногда граничит с бестактностью, а её «летнее настроение» посреди слякотной зимы может раздражать. Она может забыть про важную встречу, потому что увидела радугу и побежала её фотографировать. Но все эти мелочи меркнут по сравнению с её главной чертой — абсолютной, кристальной честностью. Жуля не умеет лгать или притворяться. Если ей грустно, она будет плакать, не стесняясь прохожих. Если счастлива, её смех будет звенеть на всю улицу. В нашем мире, полном полутонов и социальных масок, её искренность — это глоток свежего воздуха. И я готова терпеть любые её странности. Готова была ее терпеть. Мысль о ней как о прошлом ранит.

И, наконец, Марик, он же Марат, — лучший друг Кошмарика. Марик и Кошмарик — взрывной дуэт друзей. Прямо в поезде Жуля сочинила считалку, не подозревая, что её слова станут пророчеством роковых событий.

Марик и Кошмарик в лес пошли гулять.

В тёмный лес дремучий монстров сосчитать.

Раз — завывла вьюга, заметая след.

Два — мелькнула тень, которой в лесу нет.

Три — захлопал крыльями филин на сосне.

Четыре — кто-то страшный дышит в темноте.

Пять — пропал Кошмарик, только слышен хруст...

Кто остался — прячься под колючий куст!

До сих пор остаётся загадкой, как Марат и Стас вообще смогли подружиться. Марат — умный и целеустремлённый парень из Казахстана, который самостоятельно поступил на бюджет в МГИМО. Он хорошо воспитан в лучших традициях своей родины и теперь, как и все мы, изучает в Москве международную журналистику.

Его полная противоположность — Стас. И как эти двое нашли общий язык на нашем факультете, не мог понять никто.

Стас — коренной москвич из обеспеченной семьи, чьё поступление в МГИМО расценивалось скорее как неизбежность, чем личное достижение. Его отец уже позаботился о том, чтобы после окончания учёбы сын отправился работать в Америку.

Он жил сегодняшним днём, легкомысленно порхал между вечеринками и зачётами, обаятельно выкручиваясь из самых сложных ситуаций. Его мир состоял из дорогих машин, модных клубов и девочек.

Марат же строил своё будущее сам, кирпичик за кирпичиком. Он жил в общежитии, после пар, подрабатывал курьером и отправлял почти все деньги домой, матери. Он говорил взвешенно, двигался плавно и смотрел на мир с серьёзностью человека, знающего цену каждой возможности. В его речи звучали нотки уважения к старшим, а в поступках — твёрдость принципов, привезённых из родного дома.

И вот они — расчёт и экспромт — сидели за одной партой. Стас вечно что-то шептал, отвлекая Марата своими шутками, а Марат, вместо того чтобы раздражаться, лишь качал головой и сдержанно улыбался. Казалось, в спокойствии Марата Стас находил якорь, а в беззаботности Стаса Марат видел ту лёгкость бытия, которой ему самому так не хватало.

Возможно, их дружба родилась в тот день, когда Стас, в очередной раз проспав лекцию, попросил у Марата конспект, а тот вместо ожидаемых упреков протянул свои лекции. Или, когда Марат, растерянно стоя посреди шумной московской улицы, не мог найти дорогу, а Стас, проезжая мимо на своём блестящем BMW, остановился и подвёз его до самого общежития, всю дорогу рассказывая байки о городе.

Они были как два разных языка, которые каким-то чудом нашли общий переводчик. Стас учил Марата расслабляться, а Марат учил Стаса ответственности. И в этом странном на первый взгляд союзе каждый из них становился чуточку лучше. Поэтому, когда мы видели их вместе — идущими по коридору университета, спорящими о политике в столовой или смеющимися над чем-то своим, — мы перестали удивляться. Мы просто поняли, что некоторые вещи не требуют объяснений. Они просто есть.

А я Людмила. Мама зовёт меня Люся, но друзья предпочитают Люсинда. Мне это вполне подходит. А вообще, я довольно серьёзная особа и стремлюсь к тому, чтобы всё в моей жизни было разложено по полочкам. Не в буквальном смысле, конечно, хотя и в шкафу у меня идеальный порядок. Я говорю о планах, целях и даже о чувствах. Эмоциональный хаос — точно не про меня. Это согласие на поездку было чуждо всей моей натуре. С первых же мгновений каждая клеточка моего существа восставала против этого. Но стоило мне изрядно выпить, как я без раздумий поддалась на безумный призыв Коцмарика провести каникулы в Лесу самоубийц. Он где-то наткнулся на эту историю в интернете и был одержим ею. Лес самоубийц — само название пронизывает ужасом.

На следующий день после нашей гулянки мое желание поехать в глушь рассеялось. Но Коцмарик, с его беззаботной улыбкой и блеском в глазах, не давал мне шанса отказаться. Он говорил о приключениях, о тайнах, которые ждут нас в глубине леса, словно это был просто очередной веселый квест. Я понимала, что это безумие, но тайное желание вырваться из привычной рутины, почувствовать вкус настоящей жизни пересиливало страх и здравый смысл.

Мне кажется, этот Ален Делон был ко мне неравнодушен, и именно поэтому он так настойчиво уговаривал меня отправиться в эту авантюру. Но Стасик совершенно не в моем вкусе, к тому же я не стремилась к сближению. Рано или поздно твои уязвимости обнаружат и воспользуются ими — я это уже проходила, и не раз.

А вот Жуле он нравился. Она, с ее вечной романтической натурой, видела в нем не просто попутчика, а героя из старинных легенд, способного на подвиги ради прекрасной дамы. Ее глаза загорались при каждом его слове, и я видела, как она уже мысленно примеряет на себя роль той самой дамы, которую он будет спасать от драконов и злых колдунов. Я же, напротив, видела в нем лишь очередного искателя приключений, который, скорее всего, принесет нам больше проблем, чем пользы. Но Жуля была неумолима, и ее энтузиазм, как всегда, оказался заразительным.

После долгих уговоров я всё-таки дала согласие. Несмотря на сильное желание узнать больше об этом месте, я сознательно воздержалась от изучения его истории и поиска информации в интернете. Это решение было принято, чтобы избежать лишних размышлений.

Нас четверо — я, Жуля, Марик и Кошмарик — заняли свои места в поезде Москва — Якутск в вагоне номер семнадцать. Предстояло преодолеть пять дней пути. В тот момент я была уверена: это самое страшное, что мне доведётся испытать.

Я ошибалась. Пять дней в поезде оказались лишь прелюдией, медленным, но неумолимым погружением в неизвестность. За окном проносились бескрайние просторы, сменяя привычные пейзажи на что-то дикое, незнакомое. Леса становились гуще, реки — шире, а небо — необъятнее. Стук колес отмерял не просто километры, а отсчитывал время до встречи с тем, что ждало нас за пределами цивилизации. Кошмарик продолжал фонтанировать идеями, Жуля с ее абстрактным подходом пыталась придумать для нас волшебную сказку, а Марик, как всегда, был погружен в свой интернетный мир, изучая этот лес и планируя наш поход. Я же, глядя на мелькающие пейзажи, чувствовала, как внутри меня растет не только предвкушение, но и что-то другое — смутное, тревожное ощущение, что мы идем туда, откуда не все возвращаются. И это было лишь начало. Мне досталось место на верхней полке, и, как ни странно, это меня даже порадовало. Большая часть пути прошла в блаженном забытии: экзамены выжали меня без остатка. Особенно изматывающей оказалась эмпирическая социология. Было очевидно, что преподаватель стремился меня завалить, и я подозреваю, что это была месть за мои опоздания на лекции.

Каждое его слово было пропитано сарказмом, а вопросы, казалось, были специально сформулированы так, чтобы загнать меня в тупик, где единственным выходом было бы признание собственной интеллектуальной несостоятельности. Он с наслаждением наблюдал, как я барахтаюсь в дебрях методологии, пытаюсь найти хоть какую-то опору в этом зыбком болоте статистических данных и интерпретаций.

С позорной тройкой в багаже и пылающим от стыда лицом я оказалась на четвертом курсе.

Теперь, когда последние отголоски университетской жизни остались позади, я ощущала себя словно выжатый лимон, но с проблесками надежды на перезагрузку. Верхняя полка, с ее ограниченным пространством и видом на потолок вагона, стала моим убежищем. Отсюда, прикрыв глаза, я могла отгородиться от суеты, от бесконечных разговоров, слушая в основном стук колес. Я старалась не думать о том, что нас ждет, но в какие-то моменты ловила себя на мысли, что, возможно, мое желание сбежать от реальности было слишком сильным и необдуманным. Но было поздно. Поезд нес нас на север, к поселку Хонту, который расположен на берегу реки Аука, названной в честь лесного духа, и откуда открываются бескрайние просторы тайги — того самого места под названием Лес Самоубийц.

Глава 2

В Якутске мы пополнили запасы продуктов, купив хлеб, сухари и другие необходимые товары, которые не привезли из Москвы.

Путь до поселка проделали на автобусе. Наши гигантские рюкзаки, оккупировавшие проход, заставляли других пассажиров проявлять чудеса акробатики, переступая через них. А что поделать? Внутри — теплые вещи, палатки и просто горы еды (для которой, к слову, у нас даже отдельная палатка-кухня!). Июльская погода здесь — дама капризная, климат резко континентальный. Ночью запросто можно было замерзнуть: температура опускалась до минус пяти, а днем — наслаждаться пятнадцатью градусами тепла. Дожди идут неделями, так что шмоток набрали от души. Марик предусмотрительно взял рации. Связи в этой глуши точно нет.

Мы приехали на целый месяц. Едва моя нога коснулась земли, оставив позади душный автобус, как тоска впиалась в сердце. Мне отчаянно захотелось вернуться — в свою съемную, крошечную, но такую уютную квартирку, в мой маленький мир. Я давно не жила с мамой: она была слишком занята, устраивая свою новую семейную жизнь, в которой для меня, кажется, не осталось места.

Поселок Хонту встретил нас недружелюбным, пронизывающим ветром и низким, свинцовым небом, которое, казалось, давило на плечи. В половине десятого вечера, в светлых сумерках, мы медленно шли по поселку, чавкая жижей под ногами и волоча свою ношу. Поселок состоял из нескольких десятков почерневших от времени деревянных домов, разбросанных по берегу мутной, быстрой реки без всякой видимой логики. Здесь не было асфальта — только раскисшая от недавних дождей грязь, в которой вязли ноги. Воздух пах сыростью, травами, дымом, навозом и чем-то еще — терпким запахом бескрайней тайги, начинавшейся сразу за последними избами.

Местные жители, немногочисленные и хмурые, провожали нас долгими, нечитаемыми взглядами. Мы были для них просто очередной группой глупцов, приехавших пощекотать себе нервы там, куда здравомыслящий человек не сунется.

— Ну что, команда, вот мы и на месте! — бодро воскликнул Коцмарик, пытаясь развеять сгустившуюся атмосферу. — База для нашего эпического похода!

Жуля, несмотря на унылый пейзаж, уже пыталась найти в нем свою романтику.

— Смотрите, как красиво! — она указала на противоположный берег, где стена леса подступала к самой воде. — Как будто ворота в другое измерение. В Нарнию!

— Скорее в Мордор, — пробормотал Марик, не отрываясь от экрана смартфона, который тщетно пытался поймать хоть какой-то сигнал. — Согласно моему плану, нам нужно найти проводника, некоего Егора. Говорят, он единственный, кто водит в тот лес.

Я огляделась: туман обнимал деревья по пояс, и казалось, они шепчутся о чем-то своем. Жуткая красота, от которой по спине бежали мурашки.

Найти Егора оказалось несложно: его дом стоял на отшибе, и на него указал первый же встреченный нами старик, сплюнув на землю и коротко махнув рукой в нужную сторону.

Сам Егор оказался мужчиной лет пятидесяти- сухим, жилистым, с лицом, выдубленным ветрами и солнцем. Он молча выслушал Коцмарика, скрестив на груди руки, и его светлые, почти бесцветные глаза смотрели на нас так, будто видели насквозь всю нашу городскую изнеженность и наивность.

— Зачем вам туда? — его голос был низким и хриплым, как скрип старого дерева. Это был не вопрос, а скорее констатация нашей глупости.

— Приключения! — довольно произнес Кошмарик. — Хотим увидеть все своими глазами. Легенды, тайны...

Егор криво усмехнулся, обнажив неровные пожелтевшие зубы.

— Тайны... Этот лес шутников не любит. И болтунов тоже. Он забирает то, что ему нужно, не спрашивая. Ночлег найдете у бабы Нины в доме с синими ставнями. Если не переживаете, выходим с рассветом.

Мы поблагодарили Егора и отправились на поиски бабы Нины. Дом с синими ставнями оказался почти у самой реки. Из трубы вился тонкий дымок, и из распахнутого окна доносилось тихое бормотание. Дверь нам открыла старушка с лицом, испещренным морщинами, как карта неведомых земель. Глаза ее были маленькими и проницательными.

— Заблудились, городские? — пробубнила она, оглядывая нас с ног до головы. — Или, может, за приключениями пожаловали?

Мы кивнули, чувствуя себя еще более неловко. Баба Нина, не говоря ни слова, провела нас в дом. Внутри было тепло, пахло травами и чем-то сладким, вроде сушеных ягод. На столе стояла большая миска с дымящимся супом, а на лавке дремал рыжий кот.

— Ужинать будете? — спросила старушка, указывая на стол.

Мы сели за стол, и, несмотря на тоску по Москве, я вдруг почувствовала интерес к этому месту, даже немного поняла Стаса с его страстью к приключениям. Вероятно, тепло и вкусная еда сделали свое дело.

Суп был наваристым и ароматным, а хлеб, который испекла баба Нина, казался самым вкусным на свете. Пока мы ели, я разглядывала стены дома, увешанные старыми фотографиями и вышитыми картинами. На одной из них был изображен молодой мужчина с добрыми глазами, очень похожий на Егора.

— Это мой сын Василий, — тихо сказала баба Нина, заметив мой взгляд.

— Копия дед, — произнесла старушка. — Васютка на него как две капли воды похож, только упрямым в меня пошел.

Она поставила на стол блюдце с малиновым вареньем, прозрачным, как янтарь, и продолжила, словно вспоминая что-то далекое:

— Мой отец этот дом своими руками строил, каждое бревнышко к бревнышку подгонял. Говорил, что дом — это не просто стены, а душа семьи. Вот и висят тут все, кто в нем жил: смотрят на нас, оберегают.

За окном зашелестел ветер в старой яблоне. Мне показалось, что мужчина на фотографии на мгновение улыбнулся. В доме пахло не только супом и свежим хлебом, но и чем-то неуловимым — уютom, временем и тихой светлой памятью.

Баба Нина вздохнула, но это был светлый вздох, без горечи. Она взяла со стола ложечку, зачерпнула янтарную каплю варенья и задумчиво посмотрела на нее на свету.

— А варенье отец любил. Говорил, что в нём всё лето спрятано.

Когда я маленькая была, мы каждое лето с ним вдвоём малину собирали в лесу, за речкой. Он нёс большое лукошко, а я — маленькое. А потом сидели вот так же за столом, и он рассказывал мне истории про лесных духов, которые ягоды от злых людей прячут, а добрым, наоборот, самые спелые под листок подкладывают.

Она аккуратно положила ложечку обратно на блюдце.

— Вася тоже эти истории слушал, открыв рот, когда я ему их пересказывала. Все бегал потом в лес, гостинцы духам носил — то кусочек хлеба, то конфетку. Верил, что они ему помогут самый большой гриб найти. И ведь находил же! — она тихонько рассмеялась, и в уголках ее глаз собрались морщинки-лучики. — Душа в нем дедова, такая же светлая, верящая в чудо.

Баба Нина опять вздохнула.

— Пошел в лес и не вернулся, мой Василек. Уже много лет прошло, — она уселась на лавку и, наблюдая за нами, занималась каким-то рукоделием. Глаза бабушки стали влажными.

Ее слова повисли в воздухе, и я почувствовала, как мне становится некомфортно и страх снова сжимает мое сердце.

— Это правда, что говорят об этом месте? — прошептала я.

Старуха усмехнулась:

— Смотря что именно. Вы ведь всё равно пойдёте, не так ли? Ну так идите. Только запомните главное: ничего не берите у леса. Ничего. Возможно, тогда и вернётесь целыми.

Я посмотрела на Марика, который, кажется, тоже обратил внимание на эти слова. Его обычно невозмутимое лицо слегка побледнело. Кошмарик, напротив, выглядел еще более воодушевленным, словно слова бабы Нины лишь подогрели его авантюрный дух.

— Нам бы помыться, — сменил тему Марик, возвращаясь к насущному.

— Баня ещё горячая, она там, в конце огорода, — махнула рукой баба Нина.

— Идите, идите, милые, смойте с себя городскую дурь, — проскрипела она. — Может, и лес вас тогда за своих примет.

Баня оказалась маленькой, вросшей в землю избушкой, от которой исходил густой смолистый дух. Внутри было жарко и влажно. Мы с Жулей помылись первыми.

Пока Кошмарик и Марик, увлеченно споря о чем-то, хлестали друг друга вениками, мы, завернутые в полотенца и с накинутыми на плечи куртками, стояли на крыльце.

Сумерки сгустились окончательно, превратившись в непроглядную ночь. Тучи расступились, над головой распахнулось небо, и на его бархатной черноте рассыпались мириады звёзд — ярких, холодных, колючих, каких никогда не увидишь в городе. Они казались такими близкими, что, протяни руку, зачерпнёшь горсть ледяного света.

Откуда-то из темноты доносился стрекот сверчков, похожий на тихий звон серебряных колокольчиков. Воздух, остывший и чистый, был наполнен ароматами мокрой земли и горьковатым запахом дыма из банной трубы. После парной он казался особенно свежим, почти ледяным, и приятно охлаждал разгоряченную кожу.

Мы молчали, запрокинув головы. Жуля зябко повела плечами и плотнее закуталась в куртку. Я видел, как в ее глазах отражаются далекие созвездия, превращаясь в крошечные искорки. Тишина стала такой глубокой, что, казалось, можно было услышать, как растет трава и как где-то в лесной чаще дышит невидимый зверь. Из бани доносились приглушенные шлепки и довольное кряхтение — ребята, видимо, перешли в стадию полного примирения с жаром и паром. А мы стояли, замороженные этим безмолвным величием, чувствуя себя песчинками под огромным, вечным куполом вселенной.

Вдруг тишину пререзал тонкий, едва уловимый свист. Он пронёсся где-то высоко-высоко, словно одна из звёзд сорвалась со своего места и полетела вниз, оставляя за собой невидимый след. Жуля вздрогнула и посмотрела на меня; её глаза стали ещё больше.

— Слышала? — прошептала она, и облачко пара вырвалось из ее губ.

Я кивнула и снова перевела взгляд на небо. Это был не самолёт и не птица. Звук слишком чистым, почти музыкальным. Он затих так же внезапно, как и появился, оставив после себя ощущение какой-то тайны.

Дверь бани со скрипом распахнулась, и оттуда вывалился Марик — весь красный, в одних трусах, окутанный клубами пара. Он счастливо шурился, жадно глотая ночной воздух. За ним показался Стас.

— Ох, хорошо-то как! — выдохнул он, потирая грудь. — А вы чего тут истуканами застыли?

— Тихо, — сказала Жуля, приложив палец к губам, — слушай.

Марик замер, прислушиваясь. Но вокруг снова царил первозданная тишина, нарушаемая лишь стрекотом сверчков да его собственным тяжелым дыханием.

— Вселенная, — сказала Жуля тихо, скорее для себя, чем для нас. — Она разговаривает. Просто мы разучились ее слушать.

Кошмарик усмехнулся. Он тоже поднял голову к звездам, и на его насмешливом лице появилось выражение детского, неподдельного интереса. Мы стояли так все вчетвером — две распаренные, красные фигуры и две, закутанные в полотенца, — маленькая, случайная коммуна, затерянная в ночном лесу и объединенная одним на всех чувством благоговения перед этим бездонным, мерцающим небом. И в этот момент не было ни прошлого, ни будущего, а только звенящая прохлада ночи, тепло разгоряченного тела и молчаливое обещание звезд, что все в этом мире имеет свой смысл, даже если он скрыт за миллионами световых лет.

Мы уже расстелили спальные на полу в соседней комнате, когда баба Нина принесла травяной чай. Его успокаивающий аромат наполнил все вокруг. Она присела на стул, и кот, тут же запрыгнув к ней на колени, громко замурчал.

— Лес здесь не такой, как в ваших городах, — начала она. — Он живой: дышит, слышит, видит. И помнит. Древние духи пробуждаются, едва почуяв новую, незнакомую им энергию.

Она сделала паузу. В наступившей тишине слышалось лишь потрескивание дров в печи.

— Много душ погубил этот лес, — тихо добавила она. — Мой сынок... — ее голос дрогнул. — Он знал лес как никто другой, с детства ходил с отцом. Но однажды... пошел за ягодами в такое место, куда обычно не заглядывал, и не вернулся. Мы искали его- те, кто не побоялся, но не нашли ни следа. Только корзинка, полная спелой брусники, стояла на поляне, словно он просто поставил ее и исчез.

По моей спине пробежал холодок. Слова бабы Нины звучали как предостережение.

— Вы молодые, горячие. Думаете, что все знаете, — она пристально посмотрела на нас.

Я не могла оторвать от нее глаз, но и спросить что-то не решалась.

— Завтра Егор вас поведет, — сказала она, поднимаясь. — Слушайте его.

Пожелав нам спокойной ночи, она ушла в свою комнату. Мы остались в тишине, переваривая услышанное. Кажется, Кошмарик впервые за весь день растерял свой боевой задор. Жуля выглядела напуганной, а Марик просто смотрел в одну точку.

Я закрыла глаза, но сон не шел. В голове крутились слова бабы Нины: «Ничего не берите у леса. Ничего. Возможно, тогда и вернетесь целыми».

Ночью зарядил дождь. Он лил, то усиливаясь, то ослабевая до мелкой мороси. Я лежала и думала о всякой ерунде: чем здесь занимаются люди? Рыбачат, держат скотину, что-то растят в теплицах. Наверное, кто-то и в город на заработки ездит. Но если приехать сюда в отпуск, то точно можно умереть от тоски. Единственный способ хоть как-то оживить эту однообразную, раскисшую от дождей рутину — отправиться в лес.

Куда идти, кроме как в лес? Только на кладбище, пожалуй. Кошмарик рассказывал, что там какая-то ведьма захоронена. Вокруг ее могилы ходит множество слухов. По одной из версий, она принадлежала ведьме, жившей здесь в шестнадцатом веке. Говорят, что при жизни эта женщина практиковала черную магию, а некоторые утверждают, что ее призрак появляется в поселке каждую ночь.

Другие предполагают, что она была не просто ведьмой, а хранительницей древнего артефакта, спрятанного в лесу. Этот артефакт открывал возможность видеть прошлое, будущее и даже перемещаться во времени. Самые смелые рассказывают, что в полнолуние над её могилой иногда витает фиолетовый туман, из которого доносятся странные песнопения на неизвестном языке.

Существует и другая легенда, связанная с этим местом. Она затрагивает события, происходившие в те годы, когда отряд мангазейских казаков, пытавшийся захватить эти земли,

был осажден в остроге местными племенами. Якуты полностью перекрыли им доступ к пище и охотничьим угожьям. Доведенные до отчаяния, сорок семь казаков решились на ночную вылазку и укрылись в чаще. Как гласит предание, в лесу они обнаружили таинственный артефакт, который и стал причиной их гибели: все сорок семь человек свели счеты с жизнью. С тех пор этот лес носит зловещее название — Лес самоубийц.

От этих мыслей по спине пробежал холодок. Я плотнее закуталась в спальник, пытаюсь согреться, но зябкость шла изнутри. Дождь за окном превратился в настоящий ливень, его барабанная дробь по крыше отбивала тревожный ритм, вторя стуку моего сердца. Я вспомнила поезд и то, как Кошмарик, понизив голос до шепота, рассказывал, что души тех казаков так и не нашли покоя. Они до сих пор бродят по лесу, вечно голодные, вечно отчаявшиеся, и заманивают в чащу заблудших путников, чтобы разделить с ними свою бесконечную муку.

Говорят, если прислушаться в этом лесу, можно услышать голоса духов — тихий, жалобный стон, переходящий в безумный хохот. Голоса зовут по имени, обещают вывести на верную тропу, но стоит поддаться их уговорам- и ты обречен. Лес сомкнет за тобой свои ветви, и ты будешь плутать по кругу, пока не обессилеешь и не захочешь свести счеты с жизнью, став частью этой проклятой земли.

А еще рассказывают про старика Еремея- единственного, кто якобы вернулся из Леса самоубийц после трех дней отсутствия. Нашли его на опушке, седого как лунь, хотя уходил он черноволосым сорокалетним мужиком. Он ничего не говорил, только смотрел в одну точку пустыми, выцветшими глазами и без конца перебирал пальцами сухую веточку, которую сжимал в руке. Через неделю он повесился в собственном сарае. И та веточка, которую он принес, — единственное, что он взял у леса, — говорят, за ночь проросла сквозь доски пола, превратившись в уродливое, скрюченное деревце с почерневшими листьями. С веточкой, может, и привирают.

Слова бабы Нины снова зазвучали в голове, навязчивые, как жужжание мухи: «Ничего не берите у леса». Теперь я понимала, что это не просто суеверие старой женщины, а правило, написанное кровью и безумием. Я перевернулась на другой бок, лицом к стене, и зажмурилась так сильно, что перед глазами поплыли цветные пятна. Но образы леса, ведьминой могилы и призрачных казаков уже поселились в моем сознании, и я знала, что этой ночью мне не уснуть.

Отделить правду от вымысла сейчас непросто. Однако факт остается фактом: могила ведьмы — одно из самых заманчивых и мистических мест в поселке, которое притягивает сюда туристов.

Представление о ведьминском захоронении заставило меня поежиться. Я вдруг так явно ощутила дыхание смерти, её ледяное прикосновение. Отчаянно пытаюсь отогнать эти мысли, я боролась за сон.

За окном что-то протяжно скрипнуло, будто медленно качнулись ржавые петли старых ворот.

Сквозь шум дождя до меня донёсся ещё один странный звук. Сперва я списала его на ветер, но вскоре поняла: это пение. Тихое, заунывное, словно кто-то тихо плачет. Мурашки пробежали по коже. Приподнявшись на локти, я вслушалась. Звук шёл с улицы, со стороны леса. Неужели это те самые песнопения, о которых говорил Кошмарик? В полнолуние? Но ведь сегодня не полнолуние Или я ошибаюсь?

Осторожно, стараясь никого не разбудить, я высвободилась из своего спальника и встала. Сердце колотилось. Любопытство, смешанное со страхом, тянуло меня к окну. Я подошла, приоткрыла тюль и выглянула наружу. Дождь немного стих, но небо по-прежнему затягивали чёрные тучи. Приглядевшись, я рассмотрела, что вдалеке, над верхушками деревьев, пульсирует слабое фиолетовое свечение. Оно двигалось в такт этому жуткому пению. Я начала шёпотом подпевать голосу, не понимая слов, которые произношу. Откуда я могла их знать?

Не отводя глаз, почувствовала, как меня притягивает это свечение, этот звук. Словно невидимая сила звала меня в лес, к источнику таинственного явления. Я сделала шаг назад, пытаюсь оторваться от окна, но ноги не слушались. Мой взгляд был прикован к фиолетовому туману, который теперь казался еще ярче, опустившись до самой земли.

Внезапно, словно из небытия, возник силуэт. Высокая, неестественно тонкая тень медленно двигалась к дому. Я замерла, дыхание перехватило, тело отказалось повиноваться. Это была женщина, её длинные распущенные волосы метались на ветру, точно щупальца неведомого существа. Она приближалась. Когда тень скользнула под светящийся фонарь, я смогла различить её черты, и кровь застыла в жилах. Лицо было мертвенно-бледным, а там, где должны быть глаза, зияли лишь чёрные пустые провалы. Губы же были растянуты в жуткой улыбке, от которой стыла душа.

Я хотела закричать, но голос застрял в горле. Страх сковал, не давая пошевелиться. Женщина остановилась прямо напротив окна, и её чёрные дыры вместо глаз уставились на меня. Холод пронзил насквозь.

Она протянула ко мне руку. Длинные тонкие пальцы потянулись к стеклу, скребя по нему острыми ногтями. Звук царапанья проникал под кожу, заставляя вибрировать каждую косточку. Улыбка на её лице стала шире, обнажая ряды мелких, острых, как иглы, зубов. Она не пыталась разбить окно, нет. Она словно пробовала его на прочность, наслаждаясь моим ужасом, впитывая его своими пустыми глазницами.

Женщина заговорила, но это был не человеческий голос. Это был шепот, похожий на шипение змеи, и он раздался не снаружи, а прямо у меня в голове: «Эн мин куукулам буолуон».

Каждое слово было ледяным прикосновением к самому мозгу. Я не понимала, что она говорит. Её вторая рука медленно поднялась и прижалась ладонью к стеклу. Там, где её пальцы коснулись поверхности, поползли тонкие черные трещины, похожие на паутину. Но это был не иней и не грязь — стекло темнело, умирало под её прикосновением.

Улыбка сползла с её лица, сменившись выражением голодного, хищного ожидания. Она знала, что преграда между нами не вечна, и была готова ждать.

Время для меня остановилось, превратившись в густую, вязкую патоку ужаса. Трещины на стекле расползались всё дальше, их чёрные вены пульсировали в такт нечеловеческому шёпоту в моей голове: «Эн куттааххын... оннук минньигэс». Я не знала, сколько прошло времени — секунды или часы. Мой взгляд был прикован к её руке, к тому, как медленно и неотвратимо умирало стекло под её ладонью.

Внезапно она отняла руку. На мгновение воцарилась оглушительная тишина, нарушаемая лишь бешеным стуком моего собственного сердца. Почерневшая часть стекла осталась, как клеймо, как ожог на душе дома. Она медленно, почти лениво, повернула голову, словно прислушиваясь к чему-то, что я не могла услышать. Её жуткая улыбка вернулась, но теперь в ней было предвкушение.

Она сделала шаг назад, отступая во тьму, из которой явилась. Силуэт начал таять, растворяться в ночном мраке. Но прежде чем исчезнуть совсем, её шёпот снова пронзил мой разум, на этот раз тихий и полный обещания: «Я вернусь за тобой. Когда ты будешь готова».

И женщина исчезла. Просто испарилась, словно её никогда и не было. Остался лишь ветер, воющий за окном, и чёрное мёртвое пятно на стекле, которое, казалось, вглядывалось в меня её пустыми глазницами.

Оцепенение отпустило меня так же резко, как и сковало. Я рухнула на пол, судорожно хватая ртом воздух. Тело била дрожь, слёзы градом катились по щекам. В этот момент всё исчезло. Наступила полная тишина, нарушаемая лишь стуком моего сердца.

Оглядевшись, я поняла, что нахожусь в своём спальнике, дрожа всем телом и пытаюсь отдышаться. Что это было? Сон? Зажмурив глаза, попыталась убедить себя, что это всего лишь кошмар, порождённый усталостью и рассказами Кошмарика. Но образ женщины с чёр-

ными глазами и жуткой улыбкой всплывал в памяти, не давая покоя. Я чувствовала её ледяной взгляд, слышала скрежет её ногтей по стеклу. Это было слишком реально, чтобы быть просто сном.

Медленно, с трудом поднялась. Ноги все еще дрожали. Я осторожно выглянула в окно: дождь снова усилился, и ветер завывал, раскачивая деревья. Никакого фиолетового свечения, никакого пения — только темнота и шум дождя.

Я провела рукой по стеклу там, где только что были ее пальцы. Никаких следов, никаких царапин. Может быть, это действительно был сон? Но тогда почему я чувствовала себя такой опустошенной, такой вымотанной?

Вернувшись в спальник и накрывшись с головой, я провалилась в сон. Ночь прошла в беспокойном сне с частыми пробуждениями. Утром я встала совершенно разбитой.

Глава 3

Утро встретило нас всё тем же серым, хмурым небом и морозящим дождем. В доме бабы Нины царил тишина, лишь из кухни доносился приглушенный стук посуды. После тяжелой ночи я кое-как собралась, встала и направилась туда, где за столом уже сидели Стас, Жуля и Марик. Они пили чай, и их лица отражали ту же усталость, что и моё.

Жуля сидела с ярко покрашенными губами и идеально выпрямленными волосами, что, впрочем, меня ничуть не удивило. Ульяна — вылитая мать. Мы дружим с первого курса, и я часто бывала у них дома, поэтому хорошо знала её маму. Она была невероятно красивой женщиной, настоящей театральной актрисой. К сожалению, год назад её жизнь оборвалась из-за цирроза печени — последствия тяжелой болезни. Но когда мы навещали ее в больнице, я заметила, что на бледном, истерзанном болью лице блестят губы. Они были покрашены. И это не было отчаянной попыткой скрыть следы болезни. Нет, это был вызов. Вызов смерти, боли, унынию больничных стен. В этом простом жесте, в этом ярком пятне на изможденном лице заключалась вся её суть — не сдаваться, не терять себя, до последнего вздоха оставаться женщиной, актрисой, играющей свою самую трагическую, но самую честную роль.

Теперь Ульяна, моя Жуля, сидела напротив, и в её помаде я видела не просто дань моде или желание понравиться. Я видела тот же самый вызов. Она унаследовала от матери не только форму носа и разрез глаз, но и эту внутреннюю силу, эту отчаянную потребность в красоте посреди любого хаоса. Её идеально прямые волосы, волосинка к волосинке, были её способом навести порядок в мире, который год назад рухнул. Это была её броня, её способ сказать: «Я здесь. Я справлюсь. Я помню». И я, глядя на неё, понимала, что эта хрупкая девочка действительно справится. Ведь в её жилах текла кровь женщины, которая встречала смерть с покрашенными губами.

Я молча кивнула им в знак приветствия и опустила на свободный стул. Кошмарик подвинул ко мне чашку с дымящимся травяным отваром, от которого пахло мятой и чем-то горьковатым, лесным. Никто не начинал разговор. Мы словно боялись нарушить эту хрупкую, спокойную утреннюю тишину, в которой каждый думал о своем. Жуля медленно водила пальцем по краю своей кружки, ее взгляд был устремлен в окно, на мокрые, почерневшие ветви старой яблони. Она поправила прядь гладких, почти стеклянных на вид волос. Алые губы сложились в привычную полуулыбку. Марик, наоборот, смотрел в стол, разглядывая узоры старой клеенки.

— Доброе утро, сони, — пробурчала баба Нина, ставя на стол тарелку с оладьями. — Егор уже ждет.

Мы быстро позавтракали. Вспоминать свой сон мне не хотелось, а уж рассказывать — тем более. Мои синяки под глазами кричали о бессонной ночи, и Марик безошибочно уловил тревогу.

— Ты чего, Люсь? Всё в порядке? — участливо спросил он, допивая чай.

— Сон дурной приснился, не хочу вспоминать, — отмахнулась я, присаживаясь рядом.

Когда все вышли на улицу, Егор уже стоял у калитки, опираясь на длинный посох. Его светлые глаза внимательно оглядели каждого из нас.

— Резиновые сапоги у вас есть? — усмехнулся проводник, бросив взгляд на наши кроссовки. — За ночь всё развезло, вы так собираетесь идти?

Пришлось всем переобуваться. Я уже чувствовала, как продрогла, и мысль о походе в лес вызывала лишь отторжение. Кошмарик, шагая за Егором, вроде бы снова воспрял духом, но улыбка на его лице выдавала напряжение. Жуля, напротив, погрузилась в раздумья. И тут она осталась верна себе: из-под синей куртки выбивался розовый свитер со стразами, создавая весьма комичный и совершенно неуместный ансамбль. Впрочем, чего еще ждать от Жули?

Мы тронулись. Поселок растворился за спиной, и вот мы уже нырнули в лес. Сразу же стало ощутимо темнее, а воздух ударил в ноздри терпким, бальзамическим запахом хвои, влажной земли и прелой листвы. Деревья смыкались вокруг, их кроны переплетались над нами, образуя плотный, почти непроницаемый зеленый потолок.

Егор шел впереди, двигаясь с поразительной легкостью. Мы старались не отставать, следуя за ним по пятам. Тропа была едва различима, местами и вовсе пропадала, превращаясь в чавкающую грязь. Дождь не прекращался, и очень скоро наши куртки промокли насквозь.

Лес жил своей особой, таинственной жизнью. Он дышал влажным воздухом, наполняя легкие прохладой, шелестел тысячами листьев, словно нашептывая древние тайны, и стонал старыми ветвями под тяжестью времени. Казалось, он внимательно следил за нами, вслушиваясь в каждый наш шаг, будто задаваясь вопросом, зачем мы выбрали этот суровый поход. Суровый прежде всего в смысле комфорта. Холод пробирал до костей, сырость пропитывала одежду. Этот лес казался по-настоящему недоброжелательным.

Что за безумная идея овладела Коцмариком и почему мы все поддались его зову? Я шла, проклиная себя за согласие, ведь можно было наслаждаться безмятежным дачным отдыхом. У Коцмарика есть прекрасная дача в Туле, расположенная в лесу, но с полным комфортом. Мы все вместе встречали там Новый год, и это было чудесно: камин, глинтвейн, смех и уют.

Тогда Марик приехал с другом, Артемом, который чуть не разбил мое сердце. Он ворвался в нашу компанию, как порыв морозного, свежего воздуха. Громко смеялся, рассказывал невероятные истории о своих путешествиях и смотрел на меня с дерзким вызовом. В ту ночь мы сбежали от всех кататься на санках с ледяной горы, и там, под огромными звездами, он вдруг стал серьезным и признался мне в любви. На тот момент это казалось сказкой, а через неделю выяснилось, что у него в другом городе есть невеста. Сказка обернулась жесточайшей реальностью, оставив после себя лишь пепел несбывшихся надежд. Карета превратилась в тыкву, а принц — в крысу.

Я пыталась забыть, но его образ преследовал меня, как навязчивая мелодия. Ну знаете, та, случайно услышанная, которая потом зудит в голове с утра до ночи. Марик, видя мое состояние, старался поддержать — наверное, чувствовал себя виноватым, ведь это он притащил Артема на дачу. Артем исчез из моей жизни так же внезапно, как и появился, оставив лишь эхо своего смеха и неоправданные ожидания.

А теперь? Теперь комфорт остался где-то в мечтах, а я брела по этому дикому, неприступному царству. Лес как будто прошупывал нас, и было это не в нашу пользу. Ветер становился все сильнее. И каждый раз, когда я спотыкалась о выступающий корень, мне казалось, что это не случайность.

Я обернулась, и мне стало не по себе. Стволы деревьев, казалось, сдвигались, перекрывая тропу за спиной и отрезая путь к отступлению. Тени под ногами извивались, словно живые, — еще немного, и они начнут цепляться за лодыжки, чтобы утащить в сырую, пахнущую прелью землю. Каждый треск сухой ветки отдавался в ушах насмешкой, а шелест листвы складывался в зловещий шепот, обсуждающий нашу судьбу. Лес будто не скрывал своих намерений: он позволил войти, но даст ли выйти?

Собственные мысли завели меня в какой-то ад. Я шла, понимая, что все это, скорее всего, надумано, но именно такой я чувствовала энергетику этого места. По карте до нашей цели — двадцать пять километров от поселка. Если бы мы шли налегке, теоретически это расстояние можно было бы преодолеть часов за пять. Практически же с Жулей это превращалось в нескончаемое испытание. Она сдавалась каждые пятьсот метров, демонстративно бросая рюкзак. Сначала раздавалось трагическое: «Я больше не могу!», а потом, словно по щелчку, она переключалась на милые беседы с флорой, используя свой личный, детский диалект.

Перед нашим походом я заглянула к ней, чтобы помочь упаковать рюкзак. Едва я переступила порог ее спальни, как у меня буквально отвисла челюсть. Представьте себе: среди всего

этого вороха вещей обнаружили и платья с наивными бабочками и цветочками! И не одно, а целых три!

— Ты это серьезно? — вырвалось у меня, когда я выудила из-под флисовой кофты кружевное боди.

Она, ничуть не смутившись, выхватила его у меня из рук.

— А вдруг там будет романтический вечер у костра? Я должна быть во всеоружии! — заявила Жуля, с энтузиазмом запихивая в боковой карман рюкзака флакон духов и набор для маникюра.

Мой взгляд упал на гору косметики, способную обеспечить гримом небольшой театральный кружок на весь сезон. Там было всё: от палетки с блестящими тенями до накладных ресниц. Кажется, моя практичная подруга решила, что «поход» — это просто кодовое название для выездной фотосессии в диких условиях, а медведи и комары будут лишь восхищенными зрителями ее дефиле.

Я молча подняла с пола тяжеленный фен и вопросительно посмотрела на нее.

— Ну а как я буду сушить волосы? Мы же не сразу пойдем в лес, в поселке переночуем. В баню, наверное, пойдем. Не ходить же с мокрой головой, простужусь! — парировала она, ловко утрамбовывая рядом с палаткой выпрямитель для волос.

Я сдалась. Спорить было бесполезно. Мои доводы о весе рюкзака, практичности и здравом смысле разбивались о ее железобетонную уверенность в необходимости вечернего макияжа в тайге. Пока я пыталась объяснить ей разницу между трекинговыми ботинками и теми изящными ботильонами, что она припасла «для красивых фото на фоне заката», она успела добавить в общую кучу еще и шелковую пижаму.

— Это чтобы спать как принцесса, — пояснила она, заметив мой испепеляющий взгляд. — Комфортный сон — залог хорошего настроения!

В конце концов совместными усилиями мы всё же смогли закрыть молнию на её необъятном рюкзаке, который теперь весил, кажется, больше самой хозяйки. Я взвалила на спину свой, скромный и до смешного лёгкий по сравнению с её баулом, и мы вышли. По дороге к вокзалу она с восторгом рассказывала, какой оттенок помады лучше всего будет гармонировать с цветом мха на камнях, а я мысленно добавляла в свой список для аптечки пластыри от мозолей и мазь от боли в спине. Для неё, разумеется. Этот поход обещал стать легендарным.

Стоило нам войти в редколесье, как земля под ногами будто растаяла, превратившись в какую-то вязкую кашу. Ноги сразу начали тонуть. Я поняла, что мы угодили в настоящую трясины. Если бы не Егор, мы бы пропали. Он шёл впереди и каким-то чудом видел, куда можно ступить, а куда — ни в коем случае. Нам оставалось лишь одно: идти за ним след в след и молиться, чтобы он не ошибся.

Я старалась не отвлекаться и не смотреть по сторонам, на пузырящуюся тёмную жижу, из которой торчали мёртвые, скрюченные коряги, похожие на костлявые руки утопленников. Всё моё внимание было приковано к спине Марика, который шёл за Егором. Его сапоги, облепленные грязью, то исчезали в чавкающей жиже, то появлялись вновь, оставляя за собой быстро затягивающиеся воронки. Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом гнили и торфа, таким густым, что, казалось, его можно было резать ножом. Тишину нарушало лишь наше сбивчивое дыхание, хлопанье под ногами да редкое, тоскливое кваканье какой-то невидимой твари.

В какой-то момент Марик оступился. Его нога ушла в трясины по самое колено. Он вскрикнул, коротко и глухо, и инстинктивно попытался опереться на вторую ногу, но та тоже начала вязнуть.

Егор обернулся и рявкнул:

— Не дёргайся! Замри!

Он медленно развернулся и протянул Марика длинную суковатую палку, которая служила ему слегой.

— Хватайся, — прошипел он, — и тяни на себя. Плавно, без рывков.

Я видела, как напряглись мышцы на шее Марика, как побелели костяшки пальцев, вцепившихся в дерево. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он, хрипя от натуги, сумел выдернуть ногу из цепких объятий болота. Удивительно, но его сапог остался на ноге. Марик хотел переобуться, но Егор его остановил.

После этого мы шли в ещё более гнетущем молчании. Каждый шаг превратился в пытку, в осторожное прощупывание коварной топи. Я больше не могла смотреть только на спину Марика. Мой взгляд невольно метался по сторонам, выхватывая из полумрака новые детали этого гиблого места. В зеленоватой воде, у самого края нашей тропы, я заметила движение. Нечто длинное и бледное, похожее на огромного червя, лениво шевельнулось и снова замерло, притворившись частью донного ила. А с коряги, что была ближе всего, на нас смотрели два крошечных фосфоресцирующих огонька. Они не мигали, просто взирали с нечеловеческим, холодным любопытством.

Лямки рюкзака больно впились в плечи, и я почувствовала, как по спине струится холодный пот, смешиваясь с болотной влагой.

— Я проведу вас до поляны, — внезапно произнес Егор, не оборачиваясь. — Будьте осторожны с туманом.

По спине пробежал озноб. В памяти всплыл ночной кошмар: туман, из которого явилась та женщина-ведьма.

— А что не так с туманом? — весело спросил Кошмарик, идущий следом за проводником.

— Вы заблудитесь и растеряетесь, — проронил он, но его слова лишь усилили подозрение, что истина осталась скрытой.

Мы шли несколько часов, углубляясь все дальше. Лес становился все гуще, деревья — выше, а тропа исчезла вовсе. Вдруг он остановился.

— Пришли, — сказал Егор, указывая на поляну, окруженную высокими старыми елями. — Я буду вас ждать здесь через две недели, как договорились.

Дальше предстояло идти без проводника. Он нанес на карту Марика маршрут, позволяющий избежать болотистых участков. Прямо за поляной начинался лес самоубийц. Так сказал Егор.

Еще несколько часов изнурительного похода оставили меня совершенно опустошенной: вымотаны были не только тело, но и нервы. Наконец мы вышли на небольшую зеленую поляну, упирающуюся в берег реки. Той самой Ауки, которая петляла от поселка по всей тайге. И тут же выглянуло солнце. Пока мы добирались до воды, стало ясно: оно не просто светит, но и ласково греет. Бросив рюкзаки и стянув мокрые куртки, я полной грудью вдохнула красоту этого места. Посреди реки виднелся небольшой заросший островок. К берегу вел пологий песчаный спуск. Мы решили разбить лагерь под соснами, недалеко от воды, чтобы было удобно набирать ее.

Десятичасовой марш-бросок измотал всех. За всё время мы перекусили лишь раз, и лютый голод давал о себе знать. Чтобы хоть как-то справиться с ситуацией, мы разделились: Марик занялся палатками, Кошмарик отправился за дровами, а мы с Жулей — за водой. Нужно было срочно что-то приготовить. Первым делом решили пустить в ход копченые куриные ноги, которые мы предусмотрительно везли из Якутска и донесли до места в сумке-холодильнике. Параллельно решили отварить лапшу.

Мальчишки тем временем притащили несколько бревен с берега и выложили ими очаг. Котелок уже дымился на костре, палатки были готовы, а куртки успели просохнуть. Казалось, всё налаживается и путешествие начало приносить удовольствие.

Солнце, словно решив исправить свою оплошность, щедро заливало поляну золотистым светом. Оно пробивалось сквозь густые лапы сосен, рисуя на земле узоры, и играло на поверхности реки, превращая ее в сверкающую ленту. Воздух, еще недавно пропитанный сыростью

и запахом прелой листвы, теперь наполнился ароматом нагретой хвои и свежести воды. Казалось, сам лес, устав от своей угрюмости, решил показать нам свою другую, более приветливую сторону.

Жуля, забыв, что спустилась набрать воды в котелок для чая, с восторгом разглядывала что-то в реке. Ее розовый свитер теперь казался не таким уж и неуместным на фоне яркой зелени. Кошмарик, с лицом, раскрасневшимся от костра и предвкушения еды, деловито орудовал топором. Обед, или уже скорее ужин, был готов. Все ждали Марика с посудой, чтобы разложить порции.

Я, прислонившись к стволу сосны, наслаждалась моментом. Усталость от долгого пути отступила, уступая место спокойствию и даже некоторой радости. Резиновые сапоги вызывали дискомфорт, и я переобулась в кроссовки. К ужину из палатки с провизией появился коньяк, который Кошмарик припас для первого дня. Несмотря на договоренность об отказе от алкоголя, его появление было воспринято положительно. Все хотели расслабиться после трудного дня.

Марик вернулся с мисками и кружками, и Стас, как главный виночерпий, разлил по глотку янтарной жидкости.

— За начало! — провозгласил Марик.

Чокнувшись железными кружками, мы выпили. Я почувствовала, как тепло разливается по телу, смывая остатки напряжения. Даже Жуля, обычно морщившая нос от крепких напитков, сделала глоток и благодарно кивнула. Мы дружно загремели ложками по мискам. Копченая курица с лапшой после долгого перехода казалась пищей богов. Ели жадно, почти не разговаривая, лишь изредка обмениваясь довольными взглядами.

Костер потрескивал, бросая на наши лица пляшущие отсветы. Солнце медленно клонилось к горизонту. Река потемнела, и островок посреди нее превратился в таинственный силуэт.

— А что это за остров? — вдруг спросила захмелевшая Жуля, нарушив уютную тишину. — Он выглядит так... загадочно. Может, это остров духов? — с придыханием предположила она, и в ее глазах зажегся огонек. — Представляете, мы могли бы туда сплавать!

Кошмарик хмыкнул.

— На чем, интересно? На бревне? Да и зачем? Нам и здесь неплохо.

Наша поляна, залитая последними лучами солнца, казалась островком безопасности в этом угрюмом, полном тайн мире. Жулю, наверное, развезло от усталости. Она молчала какую-то чушь и хохотала. Ну и вид у нее был: растрепанная фея в розовом свитере и этих дурацких желтых резиновых сапогах с бабочками! Где она их вообще откопала?

Темнота навалилась внезапно. Как только солнце зашло за деревья, сразу стало прохладно. У костра сидеть было здорово, но глаза просто закрывались сами собой. Четырехместная палатка оказалась очень кстати. Во-первых, всем вместе теплее спать, а во-вторых, не страшно. Внутри, в спальниках, уже уютно устроились Кошмарик и Жуля, бессвязный монолог которой теперь звучал как нежное мурлыканье.

Я спустилась к реке, чтобы помыть посуду. Ночью лес звучал иначе. Ветер стих, и лишь неугомонные сверчки перекликались в темноте с лягушками. Небо было ясное, и месяц медленно выплывал из-за облаков. Его серебряный луч пронзал листву, вытанцовывая бликами. В реке заискрилось отражение луны. Я замерла, очарованная, и на миг моя цель отошла на второй план. Тьма подступала к самой кромке воды, стучалась под корнями старых елей.

— Ты чего там застряла? — голос Марика вернул меня к действительности.

— Иду, — отозвалась я, торопливо ополаскивая алюминиевые тарелки.

— Давай быстрее, Жуля уже храпит как трактор, — добавил он, и я услышала его смешок.

Я улыбнулась. Пусть храпит. Зато ей хорошо. А мне хорошо здесь, у реки, под этим огромным, сияющим месяцем. Вода была ледяная, но это только бодрило. Я быстро справилась с посудой. Вдруг где-то вдалеке раздался протяжный вой. Я вздрогнула. Волк? Сердце забилось

быстрее. Несмотря на всю красоту ночи, лес все же оставался опасным. Я поспешила обратно к палатке, стараясь не споткнуться в темноте.

У костра уже никого не было. Угли тлели, испуская последние всполохи тепла. Я забралась в палатку, стараясь не разбудить спящих. Внутри было тепло и уютно. Жуля действительно храпела, а Коцмарик тихонько посапывал. Я сняла куртку и забралась в свой спальник. Тепло сразу же окутало меня. Усталость взяла свое, и я провалилась в глубокий сон, унося с собой образы лунного света и звездного неба.

Меня разбудил не будильник, а настойчивый солнечный луч. Он пробился сквозь оконце палатки и упрямо светил прямо в глаз. Я повернулась и ощутила, как ноет всё тело — результат вчерашней непривычной нагрузки. Мышцы плеч и ног гудели тупой болью, напоминая о марш-броске с тяжелым рюкзаком. Я села, разминая затекшую шею, и огляделась. Жуля что-то бормотала во сне, раскинув руки. Стас, свернувшись беззащитным калачиком, мирно спал. Утро принесло с собой не только рассвет, но и новую порцию тревог. Сон, который я так старалась забыть, на этот раз был еще реалистичнее. Я проснулась от ощущения холода, хотя в палатке было тепло. Послышалось шевеление — это Марик.

— Не спишь? — прошептала я в полумрак.

— Нет, — отозвался он таким же тихим шепотом. — Пойду разожгу костер и воду поставлю.

— Я с тобой.

Выбираясь вслед за ним из тепла спальника, я накинула куртку и сунула ноги в холодные кроссовки. Утренний воздух освежил лицо — на улице, казалось, было около нуля. Над рекой клочьями цеплялся за воду густой туман. Марик спустился за водой, а я отошла оросить кустики.

Мы заварили чай и нашли себе место у костра, на бревне, куда не долетал дым. В голове моей кружились обрывки сна. Жуткие образы вырывались из памяти, точно чертик из табакерки, выхватывая самые мерзкие детали: шевелящиеся черви на голове ночной гостьи или жуки, выпадающие из глазных впадин. Весь спектр отвратительных видений, что только можно представить.

Марик, заметив мое беспокойство, тихонько спросил:

— Опять нехороший сон?

Я кивнула, не в силах произнести ни слова. Его рука легла на мое плечо, успокаивая.

— Не думай об этом. Это всего лишь сон.

Погода стояла сносная: хоть иногда и налетали тучи, принося короткие дожди, но с возвращением солнца настроение сразу улучшалось. Рыбалка все эти дни была удачной. Щука ловилась на ура. Жуля брезгливо отказалась чистить рыбу, так что мы с Мариком справились с этим быстро и профессионально. Жуля была совершенно бесполезна: ночью ей было невыносимо холодно, днем — невыносимо жарко, а мошки доводили до отчаяния. И этот нескончаемый поток нытья мы вынуждены были слушать с утра до ночи.

Наша команда, надо сказать, была куда более слаженной и целеустремленной, чем пара Жули и Стаса. Разделение на команды, инициированное Жулей («вы туда, а мы сюда»), с самого начала казалось мне странным.

Я и представить не могла, насколько восхитительной может быть рыба, приготовленная на костре! Аромат дымка, смешанный с запахом свежей рыбы, щекотал ноздри и пробуждал аппетит. Каждый кусочек, нежный и сочный, таял во рту, оставляя послевкусие лета.

Никто и не подозревал, что Стас так ловко управляется с удочкой. Вытащив очередную рыбу, он с гордостью поделился воспоминаниями о рыбалке с отцом на арендованной яхте в Испании. А вот Жуля, казалось, больше интересовалась своим отражением в воде, чем процессом ловли. Ее попытки забросить удочку больше напоминали запуск воздушного змея в штиль

— грациозно, но совершенно неэффективно. С театральным вздохом она швырнула удочку в сторону. И я, признаться, тоже не могла похвастаться уловом, но одну все-таки поймала.

Я забросила леску и присела на камень, наблюдая за остальными. Солнце ласково припекало макушку, а от бликов на воде глаза начинали невольно слезиться. Рядом со мной на траве развалился Марик, лениво пожевывая травинку и с задумчивым видом рассуждая о тщетности бытия и тонкостях рыбьей психологии. По его теории, рыба клевала исключительно на душевное равновесие рыбака.

Внезапно тишину пронзил восторженный визг Жули:

— Мой поплавок запрыгал!

Мы обе, словно по команде, схватились за удочку. Жуля, упершись ногами в берег, выглядела как заправский тореадор, укрощающий разъяренного быка. Стас, отложив свое удилище, подскочил к нам с подсачеком, выкрикивая советы, которые она, впрочем, благополучно игнорировала. Еще мгновение — и на траве забился приличных размеров окунь, переливаясь на солнце перламутровым блеском. Жуля, сияя от счастья, тут же окрестила его Королем Озера и заявила, что отпустит его обратно после фотосессии.

К полудню третьего дня мы свернули лагерь и снова двинулись в путь. Пошли вдоль реки, как велел Егор. Тропа — если это вообще была тропа — вилась среди деревьев, то пропадая, то вновь возникая. Болото оставалось слева, иногда заходя на тропинку, но быстро сменялось сушей. Усталость настигла нас не сразу: чувствовалось, что мы отлично выспались, отдохнули и зарядились энергией. Я втягивалась в ритм леса, ловила кайф от каждого солнечного луча, от запаха, наслаждаясь ощущением дикой, первобытной жизни.

Неожиданно лес расступился, открыв небольшую поляну, в центре которой, словно призрак прошлого, стоял старый, покосившийся крест. Мы не сразу заметили его. Когда Кошмарик присвистнул и остановился, протягивая руку перед собой, мы застыли на середине поляны, словно вросли в землю. Сумерки уже начинали сгущаться, призывая к устройству ночлега. Поляна была бы идеальна, тут и к реке спуск удобный, если бы не этот безмолвный свидетель давно минувших дней.

Глава 4

— Что это? — спросила я, чувствуя, как по спине к самой макушке побежали мурашки. — Не знаю, — запнулся Марик и задумчиво произнес:

— Хотя подожди-ка, — он медленно приблизился к кресту.

Жуля, вцепившись в его куртку, последовала за ним. Крест был грубо сколочен из двух потемневших от времени бревен, перевязанных чем-то, что когда-то было веревкой, а теперь походило на истлевшую паутину. Земля у подножия креста просела, образовав небольшую впадину, заросшую мхом и брусничником.

— Ну и местечко, — пробормотал Кошмарик, нервно поправляя лямку рюкзака.

Он включил камеру на телефоне.

— Ну что, друзья мои, — громко вещал он, обходя крест, — вот мы и добрались до самого сердца леса самоубийц. Чье же это захоронение?

На кресте не было никаких надписей. Само его присутствие вызывало дрожь. Марик, погруженный в свои мысли, молча изучал крест.

— Это вроде знак духа леса, возможно, той самой Ауки, — наконец произнес он. — Вот здесь, смотрите, надсечки. Уже еле заметные. Знак лешего. Прежде чем стать духом леса, она была человеком. По крайней мере, так пишут. Но ее заподозрили в служении той самой ведьме и сожгли заживо в собственном доме.

Я подошла к кресту, коснувшись его шершавой поверхности. Дерево было покрыто лишайником, а первоначальный рисунок почти стерся. Остались лишь едва заметные углубления: несколько лучей, расходящихся от еле заметной полоски. Похоже на перевернутое изображение елки, как рисуют дети.

— Может, стоит поискать другое место для ночлега? — предложила я, чувствуя, как нарастает беспокойство.

— Не думаю, что стоит этого бояться, — возразил Марик. — Место действительно удобное, а крест может быть просто старым памятником.

Мы выбрали для лагеря край поляны, почти у самой воды. К моменту, когда дымящийся ужин был готов, тьма уже поглотила все вокруг. Снова и снова я ловила себя на том, что смотрю туда, где мы нашли крест. Его не было видно, но я чувствовала его присутствие, и эта невидимая близость буквально выворачивала меня наизнанку от неприятных ощущений.

Кошмарик травил байку за байкой. В основном о каких-то своих приключениях.

— Ну вот, я дал газу, и те девчонки со своим «Бугатти» просто исчезли в зеркале заднего вида.

Жуля неестественно заливалась смехом. Марик молча ел консервированный рассольник с тушенкой.

— А потом, — продолжал Кошмарик, не обращая внимания на Жулю, которая уже почти задыхалась от смеха, — я такой думаю: «Ну все, парень, ты попал». А там, представляешь, прямо из-за поворота вылетает...

Он запнулся, его взгляд застыл где-то за моей спиной. Жуля перестала смеяться, ее глаза расширились. Марик медленно опустил ложку в миску. Тишина наступила внезапно. Я почувствовала, как волосы на затылке встали дыбом. Медленно, очень медленно я обернулась.

Там, где еще минуту назад была непроглядная тьма, теперь мерцал слабый зеленоватый свет. Он исходил от креста. Неяркий, пульсирующий, он словно дышал, то усиливаясь, то затухая.

— Что это? — прошептала я, и мой голос дрожал.

Марик заговорил тихо, низким, почти неслышным голосом:

— Странная штука.

Стас, который до этого момента сидел в оцепенении, уставившись на крест, вдруг вскочил.

— Телефон! Где мой телефон?! — Он лихорадочно начал шарить по карманам. — Там, походу, зарыта собака Баскервилей.

Жуля вся сжалась и задрожала.

— Может, нам... может, нам уйти? — ее голос был едва слышен.

Зеленоватый свет над крестом вспыхнул, ослепив на мгновение, и тут же погас. Затем зажегся снова.

— Ничего не видно, надо подойти ближе, — пробормотал Стас. Он поднялся с бревна и, прижимая телефон к груди, двинулся к кресту.

— Пожалуйста, остановись, — прошептала я.

Стас замер в трех шагах от нас.

— Это, наверное, блуждающие огни, — пробормотал Марик, вспомнив что-то из старых легенд.

— Что? — переспросила я, не совсем понимая.

— Болотные огни, — пояснил он, — еще в древние времена они пугали путников. Их наблюдают и сейчас. Есть поверья, что одни огни по неизвестной причине враждебны к людям или несут дурные вести, а другие, наоборот, могут помочь в трудную минуту.

Марик продолжил, вспоминая детали:

— Чаще всего блуждающие огни горят на высоте примерно вытянутой руки, имеют шарообразную форму или напоминают пламя свечи — отсюда и их прозвище «свеча покойника». Цвет может быть разным: от призрачного белого, голубоватого или зеленоватого до яркого, живого пламени, которое не оставляет дыма.

Его слова повисли в густом и неподвижном воздухе. Свет от креста снова мигнул, на этот раз ярче, и я заметила, что он не просто пульсирует. Он движется. Медленно, словно нехотя, зеленоватое свечение начало сползать с перекладины креста вниз, к его основанию. Оно текло, как густая смола, собираясь у самой земли в дрожащий, бесформенный сгусток.

— Он... он живой, — выдохнула Жуля, вцепившись в мою руку с такой силой, что ногти впились в кожу.

Кошмарик, до этого молчавший, вдруг хрипло рассмеялся. Смех был нервным, сдавленным.

— Живой, как же. Фосфор, наверное. Или какая-нибудь химическая дрянь. Кто-то пошутил, намазал крест. Точно, кто-то пошутил, — буркнул Стас, не отрывая взгляда от своего телефона, экран которого отчаянно пытался сфокусироваться на светящемся пятне.

Жуля поежилась:

— Прямо посреди леса, где мы одни на десятки километров. Очень смешно.

Тем временем зеленое пятно у подножия креста начало менять форму. Оно вытягивалось, уплотнялось, и вот уже стало похоже на припавшую к земле фигуру. Неясную, расплывчатую, но в ней безошибочно угадывался силуэт чего-то живого. Чего-то, что сейчас поднимется.

— Вот теперь точно пора валить, — просипел Кошмарик, медленно пятясь назад и натываясь спиной на ствол дерева.

Марик, однако, не сдвинулся с места. Он смотрел на происходящее с каким-то странным, почти научным интересом, будто наблюдал за редким природным явлением.

— Погоди, — сказал он тихо.

Светящаяся фигура, окончательно оформившись во что-то, отдаленно напоминающее пригнувшегося зверя или человека, медленно повернула свою «голову» в сторону от нас, вглубь чащи. Она замерла на мгновение, а затем беззвучно скользнула в темноту, оставив за собой лишь слабый, тающий в воздухе фосфоресцирующий след. Крест снова стал просто старым, покосившимся куском дерева в ночном лесу.

Мы стояли в оглушительной тишине, нарушаемой лишь судорожным дыханием Жули и далёким уханьем совы.

— Что что это было? — наконец выдавил из себя Стас, опуская телефон.

— Не знаю, — ответил Марик

.Кошмарик нервно сглотнул и посмотрел в ту сторону, куда исчезло свечение. Оно скрылось за деревьями. Мы долго всматривались в темноту.

— Скажите, что вы тоже это видели, — мой шёпот был едва слышен. — Может, это просто галлюцинации от тех ягод? Боги, как же это жутко!

— Да уж, — согласился Марик. — Похоже, придётся дежурить сегодня.

Он подошёл к потухающему кострищу, присел на корточки и начал ворошить угли. Жуля вся дрожала. Стас стоял неподвижно, его взгляд был прикован к тому месту, где только что мерцал зелёный свет.

— Может, это просто игра света? — неуверенно предположила я, пытаюсь успокоить себя и Жулю.

Марик хмыкнул.

— Игра света, от которой волосы встают дыбом?

Он нашёл несколько тлеющих угольков и осторожно подбросил в них сухих веток. Огонь, медленно, неохотно, начал разгораться.

— А что, если это был... знак? — прошептала Жуля неровным голосом.

— Знак чего? — спросил Стас, наконец очнувшись от оцепенения.

— Не знаю, — ответила Жуля, — но мне кажется, что мы здесь не одни.

Марик, раздувая огонь, поднял голову, и его глаза стали внимательно осматривать темноту за пределами круга света.

— Ты права, — сказал он серьёзным голосом. — В этих местах обитает много всякой живности.

Ветер зашуршал в листве, и мне показалось, что я услышала какой-то звук, доносящийся из глубины леса, — дьявольский хохот.

— Вы слышали? — напрягая слух, спросила я шёпотом.

— Ветер, — спокойно ответил Марик. Он подбросил ещё несколько веток в огонь, и пламя взметнулось вверх, освещая наши испуганные лица.

— Может, нам стоит вернуться? — предложила Жуля, её голос был почти мольбой.

— Куда? — спросил Стас. — Мы уже прошли полпути. Хватит трястись из-за всяких пустяков.

— Я думаю, нам просто стоит быть начеку, — произнес Марик. — Будем дежурить всю ночь по очереди.

— А что, если... — начала я, но не успела закончить.

Жуткий хохот не умолкал в моей голове, но все остальные его не слышали. Из темноты, прямо за спиной Марика, раздался тихий, едва слышный шорох. Мы все замерли, устремив взгляды в одну точку. Шорох повторился, на этот раз чуть громче.

Марик медленно поднял с земли толстую ветку, превращая её в импровизированное оружие.

— Кто здесь? — спросил он, оглядываясь.

Его голос был твёрд, но я заметила, как дрогнула его рука.

Ответа не последовало. Только тишина — давящая, зловещая тишина.

— Может, это медведь? — прошептала Жуля, пытаясь найти хоть какое-то рациональное объяснение.

— Вполне возможно, — задумчиво произнес Марик.

— А что, если он решит подойти к нам?

— Не паникуем! Сразу встаём, держимся вместе и высоко поднимаем руки. Кричать не нужно. Наша цель — показать ему, что мы больше и мощнее. Тогда он точно отступит.

— Мне страшно, — пробубнила Жуля, заикаясь.

— Мы с Люсиндой дежури́м до трех, потом ваша очередь. А теперь — отбой! — отрезал Марат.

— Марик, — обратился к нему Стас, протягивая другу нож в чехле, многозначительно взглянул ему в глаза и направился к палатке. Жуля засеменила следом.

Я боролась с желанием посмотреть на крест, отгоняя страшные мысли разговорами с погруженным в себя Мари́ком.

— Марат, а какие у тебя планы после выпуска?

— Работать.

— В Москве, значит?

— Попробую, конечно. Не выйдет — вернусь домой. У нас там, знаешь, круто. Я из посёлка под Астаной. Летом — речка, осенью — грибы в лесу. И воздух такой чистый! В Москве движуха, да, но вся эта суэта утомляет. А дома — тишина. Может, через пару лет, когда опыта поднаберусь, так и сделаю — вернусь.

— Отличный план!

— А у тебя как?

— Я мечтаю о путешествиях.

— О, это здорово! Куда бы ты первым делом отправился?

— В Азию! Хочу увидеть Таиланд, Вьетнам, Камбоджу. Попробовать местную кухню, погрузиться в культуру. А потом, может быть, в Южную Америку. Увидеть Амазонку, Мачу-Пикчу.

— Ух ты! Звучит очень масштабно. А как же работа?

— Планирую работать удалённо или на фрилансе. Главное — чтобы была возможность перемещаться. Не хочу быть привязанным к одному месту: хочется увидеть мир, узнать как можно больше нового.

— Понимаю. Это тоже очень интересный путь. А как насчет семьи, детей?

— Пока об этом не думаю. Сначала хочу осуществить свои мечты, а потом, возможно, осяду где-нибудь в красивом месте, где тепло и солнечно. И уже там буду думать о семье.

— Звучит заманчиво! А если вдруг путешествия надоедят?

— Сомневаюсь, что такое случится. Мир такой огромный и разнообразный, что всегда найдется что-то новое и захватывающее. Но если вдруг, то всегда можно вернуться домой. Или найти новое место, которое станет домом. Главное — не стоять на месте!

Мы оба замолчали. Вдалеке ухнула сова. Я поежилась. После всего случившегося было неуютно.

— Марик, — позвала я чуть слышно, — ты правда веришь в эти блуждающие огни? И во все эти байки про ведьму и духов?

Он долго молчал, глядя в костер.

— Знаешь, — наконец произнес он, — я всегда был человеком науки. Рациональным. Но чем дольше я здесь, тем больше понимаю: не все можно объяснить логикой.

Я кивнула, соглашаясь. В этот момент я понимала его как никогда раньше. Мы оба были здесь, в этой глуши, лицом к лицу с чем-то необъяснимым, и это меняло наше представление о мире.

— А ты? — спросил Марик, поворачиваясь ко мне. — Ты веришь?

Я не удержалась и посмотрела в сторону креста, в темноте его не было видно.

— Не знаю, Марик, — честно ответила я.

Он улыбнулся:

— Прорвемся!

Мы снова погрузились в тишину, нарушаемую лишь треском огня и далекими звуками леса. На запястье Марика мелодично зазвенел будильник. Значит, пора меняться. Разбудить Жулю оказалось непросто. Она ворчала и сопротивлялась, но примерно через десять минут все же сдалась и вышла из палатки.

Глава 5

Мы не стали задерживаться. После завтрака пшённой кашей и растворимым кофе быстро собрали вещи и с облегчением покинули поляну с крестом.

Первый привал случился уже ближе к обеду. Берег реки заметно поднялся, стал обрывистым. Болото, слава богу, осталось позади, и теперь мы то и дело натыкались на землянику, растущую прямо на маленьких полянках. Солнце уже стояло высоко, нагревая воздух, но в тени деревьев лёгкий ветерок приносил прохладу. Мы устроились на короткий отдых у корней старого сосняка, разложили рюкзаки и достали из них немного сухофруктов и орехов. Вокруг царил тишина, нарушаемая лишь редкими трелями птиц и шорохом листьев.

— Птиц как будто стало меньше, — подметила я.

После нескольких глотков воды и короткой передышки мы снова двинулись вперёд. Нужно было найти место для спуска к реке. Запас воды заканчивался, да и для ночёвки так будет удобнее.

— Ребята, смотрите, лодка! — воскликнула Жуля.

Я вздрогнула от неожиданности.

— Лодка Точно, — задумчиво произнёс Марик, разглядывая судно, привязанное к шести у берега. — Кто бы это мог быть? Охотники, что ли?

— Ни души, — Стас откинул рюкзак с плеча и приблизился к краю берега. — Спуск есть, но надо быть очень аккуратным.

Не торопясь, помогая друг другу, мы по очереди спустились.

Старая деревянная лодка, наполовину вытащенная на берег, выглядела бесхозной.

— Эй, Марат, давай-ка её столкнём обратно в воду! Проверим, цела ли, — в голове у Стаса уже зрела какая-то затея.

Ребята столкнули лодку на воду. Стас тут же запрыгнул внутрь и принялся внимательно осматривать дно на предмет протечек.

— Ну что ж, — деловито произнёс он, выпрыгивая на берег, — с завтрашнего дня мы меняем профиль: из пеших туристов превращаемся в водных! Давайте заночуем прямо здесь, а утром — в плавание.

— В общем-то, можно, — протянул Марик. — Лодка большая, вместительная. Посмотрим, не наберёт ли она за ночь воды. Наш маршрут всё равно пролегает вдоль реки до её поворота влево. По воде мы можем двигаться быстрее и легче, главное — вовремя вернуться. Пока идём по графику. Запас провизии позволяет не спешить. Правда, придётся грести, впрочем, течение нам в помощь. Главное — не терять бдительности и следить за погодой. Мало ли что: река коварна, и никто нам не поможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.